

Даже грубость официанта – минуту, я не могу разорваться! – не сработала, не задела. Мимо, не сегодня. Смотрела на размытый, октябрём испачканный проспект и тихо радовалась – так хорошо получалось держаться. Ироничная, неуязвимая, в новых, на последние деньги купленных ботильонах. Давно нужно было перестать играть в «я сама» и устроиться через дядю Лешу. Да, да, да, по знакомству все иначе. Я от Алексея Романовича – и сразу улыбка на только что гранитном лице. Конечно, но придется подождать, до десяти редакционная летучка, вон диванчик или напротив кафе, там прекрасные сырники. Еще вчера ей и этого бы хватило: решила, пришла – и вдруг ждть. Искать место, там другие люди, к которым не готова. Хорошо, спасибо – и ушла бы, и не вернулась. А сейчас вот: нога на ногу, изучает голые манекены в витрине через дорогу, и ни грамма растерянности, не заглянуть ли на распродажу, время есть.

Из особняка редакции мимо бутика скользнула женская фигура в наброшенном на плечи пуховике. Третья за десять минут, и снова в соседнюю столовую.

Дядя Леша был прав. Хоть с двумя дипломами, хоть с тремя, ты никто и звать тебя никак, потому что связи, а не то, что вам понарасказывали!

Давно нужно было уйти из музея. Сразу, как только началось это «Лизонька, придется завтра выйти, Лизонька, не забудьте убраться за гостями». Платье

ниже колен, каблук шесть сантиметров и, пожалуйста, придите с укладкой, министр любит строгость. Устраивалась экскурсоводом, пришлось и уборщицей, и посудомойщицей, и ткачихой с поварихой со сватьей бабой Бабарихой. Обратите внимание, в центре новая экспозиция – копии рукописей, макеты оружия, проходите, чем бог послал, чай-кофе, черная икра. Большие неудобные люди. Каждый – как чемодан без ручки. С каждым отдельная возня. Бессонница, злость, пальцы пахнут брауншвейгской колбасой. Перед глазами тарелки с присохшими ошметками канале.

– Ваш латте.

Бокал встал строго, как пешка, объявившая мат. Проводила официанта взглядом. Еще один мученик капитализма. Представила, как здорово бы смотрелось: «Пошли все на хер!» – и он сдергивает с себя фартук и, шмякнув им о стойку, уходит в суровое черно-белое утро. И она кричит ему вслед: «Жги, чувак!» Но нет – пересек зал и завис над парочкой, уткнувшись в свой блокнот. А она проверила латте: теплый.

В сумке, больше похожей на портфель – всегда любила выглядеть по-деловому, – ее первая статья. Просили распечатать: Леонид Макарович предпочитает на бумаге. В статье – городской активист, призывающий мэрию организовать велодорожки. Плюс готовый землеустроительный проект, выполненный

частной фирмой, а также расчеты профессора ЛГТУ: как велосипеды разгружают городской трафик.

Из редакции в столовую проплыл пуховик. Через три минуты поплывет обратно. Зачем они туда ходят? Встречаются с источниками? С героями интервью? Интересная работа. Интересная у нее теперь работа.

Ровно в десять Лиза поднялась в приемную.

Джемпер крупной вязки, очки в золотой оправе – Леонид Макарович встретил ее в дверях кабинета. Домашний, надежный.

– Не раздевайся, прохладно. Присаживайся. У нас минут десять.

На стене молодой Путин, благодарственные письма, иконы, фотографии с торжеств: губернаторы – бывший, нынешний – ректоры вузов, мэр, Баста, Анита Цой.

– С Лешкой мы когда-то будь здоров повкалывали. Выборы девяносто шестого. Эх!

Протянула распечатанную статью.

– Что это?

– Вы просили что-нибудь написать. Там эксклюзив по транспортной проблематике, я нашла...

– Оставляй, посмотрю твой эксклюзив.

Оставила, но немного расстроилась: надеялась сразу блеснуть, представляла, как он принимается читать – ну-ка, ну-ка, что тут у вас – и скептическая прохладца сменяется удивлением, он отрывает взгляд, качает головой – очень даже недурственно, знаете. В самой нескромной версии он кричал редактору – или кто там у него под боком: это на первую полосу! Ничего, можно и так.

– Концепция нашей газеты тебе известна?

– Конечно, я...

– Старейшая газета города! Все прогорают, а мы живее всех живых. Главное – внимательность. Журналист должен быть гипервнимательным. Никаких ошибок в именах, фамилиях. Нас читают уважаемые люди. Неграмотность оскорбляет. Город нужно знать. Обязательно! А как же! Досконально нужно знать. Вот ты знаешь, например, где у нас улица МОПРа?

– МОПРа?

– МОПРа!

– Где-то на Западном?

– Так. Плаваешь. А как расширяется, знаешь?

Почувствовала, как деревенеет и мокнет спина. Что за МОПРа, что за шляпа?

– Вот. Видишь. А нужно знать.

Кто-то заглянул в кабинет, Леонид Макарович отмахнулся – не сейчас. Не глядя, сбросил звонок, вздохнул: ни минуты свободной. Она понимающе

улыбнулась. Понедельник руководителя, раскаленный и стремительный.

– Девочки все объяснят. Иди. Лидия Пална проводит.

Следом за ней уже входила пожилая секретарша с кипой бумаг в цепких птичьих лапках, глянцево и пурпурно когтистых.

– Подождите меня здесь, выдам пропуск.

Дождаясь Лидию Павловну, стояла у окна. Внутренний дворик засыпан подгнившими тополиными сердечками, бурями рожками акаций. В середине пустой квадрат бассейна – щербатая синева плитки. На поручнях лесенки грач. Ключнул железо и улетел. Ветки качнулись. Подумала: когда устраивалась в библиотеку, в мае, и город был весь медовый и сиреневый, и затоплен светом, совсем другой был настрой – как в заброшенную шахту, как будто сонвший приснился – что снилось, забыла, но точно знала, ничего хорошего не жди. В этот раз все иначе. И сиротливый грач, и заброшенный бассейн – а на душе спокойно и празднично. Интересно, как здесь бывает по праздникам? Леонид меняет кофту на вельветовый пиджак, сдвигают столы, хлопают шампанским.

– Идемте.

Лидия Павловна спустилась с ней на второй этаж, открыла новеньким магнитным ключом массивную металлическую дверь – тебе туда, знакомься, приступай. Лиза шагнула в большую, заставленную пустыми необжитыми столами комнату.

– Наташа, принимайте новенькую! Держи ключ. Удачи.

Молочного цвета стены. Без фотографий, без картин. Несколько рабочих мест в дальнем конце: выдавшие виды длиннозадые серенькие мониторы. Неожиданно пустынно. Тишина. Кто-то монотонно жмет пробел. Почудилось вдруг: пахнет манкой – когда нянечка только что поставила на стол мятую алюминиевую кастрюлю и крутанула в ней гигантским черпаком.

Наташа махнула ей рукой, подзывая. Коллеги поправили пуховики на плечах, и каждая уткнулась в свое. Десяток плотно сдвинутых столов. Большие, не офисного покроя – за такими можно разместиться и по два. Лиза заметила шеренгу стульев, выстроившихся вдоль стены, прихватила один, устроилась в проходе. У Наташи обнаружилась тугая русая коса вдоль спины и пылающий во все щеки румянец.

– Меня Лиза зовут.

– В газете работала?

– Нет.

– Леонид Макарович сказал ввести тебя в курс дела. Значит, смотри... Да не раздевайся, куда! Отопление только в декабре включают, шеф эконо-

мит. Кстати. Тебя же предупредили? Больничные с оклада, а это, сама понимаешь, копейки... Так. В общем, в восемь нужно быть на месте, в девять сдаем выпуск. Без опозданий, с этим строго. Карточки именные, система фиксирует автоматически. Никакой еды на рабочем месте. Только в комнате для приема пищи. Там, по коридору. Покажу потом. Или в кафешках. Куришь?

- Иногда.
- Лучше бросай. Шеф не курит. Курилки здесь нет. Что еще? Ржать громко нельзя. Шефа бесит. Громко стараемся не говорить. Акустика ужасная. Вообще, сиди работай. Леонид Макарович может в любой момент зайти.

Фиолетовый пуховик за соседним столом тревожно зашелестел.

- Наташ, а о чем она писать у нас будет? В криминальной хронике мне помощницы не нужны, например.

Наташа задумалась.

- Про культуру могу.
- Э! – Над монитором в среднем ряду резвым поплавком вынырнула миниатюрная блондинка. – Культура моя. Наташа, что за дела? Договаривались же. Моя же культура!
- Да погоди ты, Тань! Разберемся. Первый день. Не успела толком ввести. Что ты начинаешь?
- Вот и вводи! А культура моя.

Таня скрылась за монитором. Наташа ободряюще махнула рукой: не обращай внимания. Но что-то непоправимо изменилось. Тишина загустела. Напряженное поскрипывание стульев и редкие клики мышек.

- Смотри. Мы сейчас готовим материалы на завтра. У тебя пока ничего нет, правильно?
- Я у Леонида Макаровича оставила.
- Ну, не суть. В каждый номер идет раздел «Поздравления». Мы по очереди отработываем. Возьмешь там в общей папке на диске, посмотришь примеры. Душевные слова, комплименты, дело несложное. Лимит четыреста знаков. Разберешься. Твоя папка с завтрашней датой. Там все указано, кто поздравляет, кого и с чем. С тебя тексты самих поздравлений. Найдешь в стихах, еще лучше. Шеф любит.
- Наташ, может, она сама сочиняет? – предположила Таня. – Человек все-таки культурный. – И засмеялась.

– Тогда заберет себе на постоянку «Поздравления». Да, Лиза? На них надбавка, как за рекламу. В окно было видно кафе, в котором полчаса назад она дождалась назначенного времени, и за ее сто-

ликом парень с пучком на макушке залип в телефоне. Откинулся на спинку кресла, не глядя потянувшись к чашке. Больше ничего не было видно – стекло кафе зеркалило, разбухало разномастными фасадами, автобусами, узловатой пятерней каштана. Отсюда и весь проспект был сплошной импрессионизм: красно-белые пунктиры габаритов и суматоха зонтов под мутно тлеющими вывесками. Так же мутно тлели буквы на старом выпуклом мониторе. Шурилась, привыкала. И монитор всматривался в нее квадратным мерцающим глазом: кто такая, зачем пришла?

Ламповость, думала она. «Любореченское время», старейшая газета в городе. Легенда. Бренд. Раздел поздравлений – да, немножко смешной. Но если разобраться – традиция. Ламповость! Трудовой коллектив Третьего троллейбусного парка поздравляет с юбилеем главного бухгалтера предприятия Шаповалову Злату Сергеевну. Цветочная виньетка, пожелания золотых достижений и платинового здоровья. Сначала всегда так – проходное и второстепенное. До важного нужно дорасти. Важное просто так не доверят. Придут репортажи, интервью на разворот. Вряд ли «Дело о пеликанах», конечно, да и не надо. Можно и в вечерке стать журналистом. Покажет себя – и девочки примут. Нужно вжиться. Всегда живалась.

С поздравлениями, правда, как назло: не умела никогда.

Фантазией трудовые коллективы не отличались: директора горячо любимы, главврачи – профессионалы от бога, кадровики – надежная опора, старейшие сотрудники отдавали себя делу целиком, готовили смену, подавали пример, заслуженным учителям и воспитателям удавалось вырастить не одно поколение достойных людей, главы администраций заботились, генералы оберегали, все получали свои десять строк счастья, здоровья и долгих лет жизни. Стихотворными одами архив был не богат. Она решила посмотреть в Сети. Но браузера в списке программ не нашла. Поинтересовалась, как выйти в интернет, и узнала, что отсюда никак: только локальная сеть, если очень нужно, выходи с телефона, возле окна ловит вай-фай бутика, он без пароля.

- А почему?

Головы вскинулись над мониторами.

- В смысле?

– Ну, то есть... а как работать без выхода в интернет?

Наташа вздохнула, отчеканила, как таблицу умножения:

– Газета коммерческая. Живем своим трудом. Деньги из бюджета не сыплются. Шеф экономит, где можно. Хотя бы не на премиях, и то спасибо.

В проезде возле кафе остановился красный внедорожник. С заднего сиденья долго, враскачку и рывками, выгружалась дородная женщина. Что-то весело кричала водителю, короткой ножкой нащупывала асфальт.

Лиза включила телефон, потянула пальцем панель уведомлений. В мессенджере пришло сообщение. Написал Вадим из «Тиндера». Переписка началась в прошлую среду, перебралась в «Вотсап» и держалась без «приезжай, не пожалеешь» и фотографий «познакомься с моим красавцем». Лиза приготовилась было согласиться на свидание, но потом передумала: все-таки ниже ее ростом, придется постоянно ходить в кроссовках, и ошибок многовато.

– Привет, солнечко. Как день?

– Привет. Приемлемо.

Ответил сразу:

– Почему долго не отвечала? Занята?

Промотала переписку вверх, чтобы вспомнить, кем ему представилась, написала:

– Обход затянулся. Много тяжелых.

– Опять на дежурстве? Хотел тебя на «Мстителей» позвать.

– Я бы с удовольствием. Но еще две операции. Кишечная непроходимость сама себя не вылечит.

– Фу-у, я же ем!

– Тогда не буду кидать селфи из операционной. Раз ты такой нежный.

– Да, да, я нежный.

И эмодзи с нимбом.

– А фотку все же можешь прислать. Страсть люблю девченок в медицинском халате.

Она отыскала в «Галерее» припасенную на этот случай фотографию: сдобные бугры в вырезе белого халата. Лица не видно, снято на телефон, за спиной на стене кружка Эсмарха. Картинка что надо. Хотела подписать: «Аккуратней, не повреди руку, самец». Уже набрала, но решила смягчить – не то настроение.

– Ну как?

Отправила с кокетливым смайликом.

В ответ прилетел котик с вытаращенными глазами и вздыбленным распушенным хвостом.

И следом:

– Третий размер?

– Глаз алмаз.

– Надеюсь когда-нибудь потрогать.

– Если будешь хорошо себя вести.

– Давай встречу после дежурства?

– Подумаю.

– Че думать?

Она обвела взглядом кабинет, торчащие над допотопными мониторами макушки.

– Ок. Приезжай в 9 к Областной клинической. Только веди себя прилично.

Успела получить пульсирующее сердечко и вышла из мессенджера.

«Как себя чувствуете?» – написала она дяде Леше. Звонить было некогда. Коллектив академического музыкального театра ждал от нее душевных слов в адрес директора Ивана Федоровича Татарина. Семидесятилетия, два фото на выбор.

«Яндекс» выручил. По запросу «юбилейные поздравления в стихах» высыпались многостраничные подборки. Полистав немного, выбрала игривое: «Сегодня, в этот дивный светлый день Вас поздравляют все кому не лень...» Перепечатала с телефона в компьютер, пересчитала знаки, убрала третью строфу – тютелька в тютельку. И, случайно сдвинув мышкой таблицу, обнаружила в соседней открывшейся ячейке пометку «некролог». Ошиблась строчкой: семидесятипятилетний юбиляр Петр Иванович Кравцов, начальник гальванической линии, обосновался чуть выше.

– А что, здесь и некрологи?

– Ну да. Там все написано. В этот номер двое, кажется. Невосполнимая утрата, сохраним в наших сердцах. Все как обычно.

Зябли руки. Вытянула рукава водолазки из-под куртки.

– Некрологи тоже можно в стихах?

– Главное, четыреста знаков. Шеф потом высчитывает. Они же по знакам платят.

Лиза попробовала исправить: «Сегодня, в этот скорбный, тяжкий день Вас провожают... мы провожаем... поминаем...» Но ничего взамен исходного «все кому не лень» в голову не приходило. Она вздохнула и снова полезла в Сеть. Оповещение из «Тиндера»: пять новых совпадений. Смахнула. Открыла браузер.

Единственным совпадением, которое завершилось постелью, был гробовщик Игнат. Так и не поняла, как вышло. Думала просто выбраться из дома. О свидании договорились в первый же день. Работу, хобби, жилищные условия обсудить не успели. Глупых вопросов не задавал, широкие плечи, рост метр девяносто два, под фотографией цитата Ницше: «Есть два пути избавить вас от страдания – быстрая смерть и продолжительная любовь». Что-то в нем было. Пригласил не в клуб, а в солидный Faïmous. Пришел в офигительном синем костюме.

Брюки как влитые, пиджак – как на Джеймсе Бонде. Не удержалась: вау, какой стильный лук. Прижал руку к сердцу: благодарю, свой портной, лучший в городе.

Он сказал еще за аперитивом. Она спросила, он ответил. Похоронный бизнес. Она решила – шутит, и рассмеялась. Сама любительница накрутить. А он не стал заострять.

– В детстве, правда, мечтал стать ландшафтным дизайнером.

Когда он элегантно расплатился наличными – длинные пальцы, летучий жест, купюры хрустнули, как в гангстерском фильме, и вот он протягивает ей руку – идем? – она уже представляла, как знакомит его с дядей Лешей, а назавтра у них самолет в Пхукет.

Утром проснулась в его спальне одна. Пахло кофе. Накинула блузку, отправилась искать. Захотелось посмотреть на мужчину, который варит ей кофе. В кухне на первом этаже выкипала гейзерная кофеварка. Где-то рядом слышался голос Игната. Выключила плиту. Вернулась к лестнице и пошла на голос. В куцем коридорчике – шагнула, и закончился – за велюровыми бордовыми занавесками нашла стеклянную дверь. В просвете – гробы, кресты, венки, Игнат в офигительном черном костюме. Перечисляет варианты цветочного оформления. Стандартный пластик. Легко простоят сезон, качественный Китай. Есть живые венки под заказ, но дорого. Или гвоздики, вечная классика.

«Коллектив Музыкального академического театра выражает свои глубочайшие соболезнования семье и близким безвременно ушедшего из жизни чуткого и талантливого руководителя Ивана Федоровича Татарина. Скорбим о тяжелой и невосполнимой утрате для всего культурного сообщества Любореченска, для всех истинных ценителей музыкального искусства. Вечная память».

Наташа одобрительно хмыкнула.

– Добавь еще «Уходят лучшие». Место вроде есть. Видишь, там звездочка над фамилией? Это бонус от шефа для тех, с кем он был лично знаком.

Дело было к обеду. Вспомнила, что дядя Леша так и не ответил. Не случилось ли чего? Выйти позвонить, чтобы не мешать никому. Заодно в туалет, там и руки согреет под горячей водой.

– Э! Ты куда собралась? Не в туалет?

Лиза обернулась растерянно. Четыре пары глаз ждали ответа.

– Что, простите?

Утонувшая в меховом жилете пышка за дальним столом выглядела недовольной.

– Наташ, ты что, ничего ей не объяснила?

– Да что вы как дети малые? Я вам не мамка! Сами!

– Тебе же поручено.

– Ой, все! Некогда, отвяньте.

Таня подошла – как будто даже с улыбкой.

– Слушай, у нас тут такие дела. Туалет открывается карточкой. Каждая карта срабатывает один раз. В день один раз. Понимаешь? Здесь же время строго нормировано. Система такая. Сколько на прием пищи, сколько на биопаузу... ну, на туалет. Кто-то там из экономистов рассчитал. В общем, суть в том, что в сортир во второй раз карта тебя уже не пустит. Поняла?

Лиза кивнула. Таня выглядела вполне серьезной. Оставалась все-таки надежда, что розыгрыш: всех новеньких так разводят, традиция. Вот-вот бахнет общий смех. Но все молчали. Пышка сосредоточенно застегивала жилет.

– А если мне нужно еще раз?

– Во-от. Об этом и речь. Поэтому собираемся и ходим по одной карточке вместе. Захочешь в туалет, спрашивай, кому еще нужно. Бывает, еще и потерпишь часок-другой. Я вот с одиннадцати ждала, репортаж дописать успела. Можем по моей сходить, если хотите.

Наташа засобиравалась вместе со всеми.

– Запугали девочку. В соседнее кафе еще можно, Лизок, если прижало. Скажешь, из редакции, они пускают. Но карта все выходы фиксирует, не забывай. Потом, если время набегит, приходится сидеть, восемь рабочих часов высидывать.

– Девчат, ну мы идем?

Дяде Леше позвонить не удалось. За дверь не выйдешь – карточка, в тамбуре шумно.

Зато оказалось, не такие уж замкнутые. В ожидании своей очереди каждая делилась новостями. Засолила капусту, не влезла в новую юбку, муж поставил пароль на телефон – говорит, на работе крыса завелась, но скорей всего, брешет.

– Маша, как у тебя с Олегом?

– Да как, с матерью до сих пор не знакомит.

– Люда, у тебя колготки зацепились.

– Ездил в прошлый раз на суд, там опять этот опер, ну и я стратегически уступила. Он зашел с левбердона. Шашлык был шикарный, но на закуску мне достался корнишон. Не в обиде, конечно, зато теперь свой человек из органов.

– Ну, Людмила, ты в своем репертуаре.

По пути назад встретили Леонида Макаровича.

– Отнерестились, рыбы мои?

И моложаво взлетел по лестнице.

Лиза рассмеялась вместе со всеми.

На прошлой неделе в «Тиндере» написал ее мальчик со скрипкой. Просидела полчаса над неоткрытым сообщением, не могла решиться. Он и «Тиндер» существовали в параллельных мирах. И вдруг пространство искривилось, распалось – и перед ней предстал чужой мужчина по имени Андрей, присвоивший рыжие бесконечно родные глаза. Лысеющий, растерявший веснушки, машет рукой из туристического пальмового рая: «Привет! Надо же! Ты совсем не изменилась».

Она не сразу поняла, что происходит – почему он ей пишет. Свайпнула, получается, вправо. Механически, в числе прочих – не узнала совсем.

Дедушка водил его в музыкальную школу по средам и пятницам одной и той же дорогой, под ее окном. И она ждала. Чтобы увидеть, как красиво покачивается скрипка в его руке, и челка скользит по лбу, и он улыбается ей, безмянный, но лучший на свете. Приветственный всплеск руки, привычно встретившиеся взгляды. На заднем фоне дедушка – тоже смотрит, тоже узнает. Четыре секунды на все – прошли и свернули за угол. История застенчивой первой любви, непривередливой и беззаветной. Каждую среду и пятницу летела домой из школы, чтобы вовремя оказаться у окна. Так и не решилась выйти – как мечтала. Так и не столкнулась с ним на улице или в трамвае. Почему-то судьба не припасла для нее такого сюрприза. Он все понимал. Она ему тоже нравилась. Ее скрипач с рыжими глазами. Единственная фраза, которую он ей сказал – прокричал, проходя в очередной раз мимо: «Мы переезжаем! Пока!» Она пролежала лицом в подушку до позднего вечера. Скоро жизнь возобновилась – детство торопливо и ненасытно, – но уже совсем другая. Больше не было в ней тихой сказки о том, как принцесса и музыкант полюбили друг друга, но вместе быть не могли.

Она не ответила мужчине по имени Андрей. Заблокировала, как многих других – чужих и ненужных.

– Ах ты тварь!

От неожиданности Лиза подскочила и прижалась спиной к стене. На какое-то мгновение показалось, что коротко стриженная блондинка несетя прямоком на нее, замахиваясь чем-то на бегу. Но нет – мимо. Над столами пролетела кружка. Врезалась с треском в простенок между окнами.

– Я же говорила тебе, это моя тема!

Изучив презрительным взглядом обломки, Люда поднялась, правой рукой многозначительно подцепила спинку стула.

– Ты че, овца? А? Ты на больничном была, мне Леня сказал отработать!

– И что? Я бы из дома отписала! Трудно было позвонить?

– Мне делать больше нечего, тебе звонить? Сдалась ты мне со своими волонтерами! Сто лет не тарактело!

Поправив на плечах жилет, Маша первой вернулась к работе. Сунула наушники в уши, застучала клавиатурой.

– Вы можете не орать, а? – Наташа устало откинулась на спинку. – Тут вообще-то люди работают. Лиза выдохнула и осторожно опустилась на стул. Кажется, ничего, сейчас утихнет, какие страсти, однако.

В дверях стояла Лидия Павловна, царапала красным маникюром воздух.

– Лизонька!

И всем своим видом показывала: не трать время, у меня важный вопрос. Сумку, показала жестом – захвати сумку.

– И не такое бывает. Идемте, Леонид Макарович за вами послал.

Вышли в коридор.

– Лидия Павловна, честно говоря...

– Ой, – Лидия Павловна скривилась. – Просто не берите в голову, я вам советую.

Повела ее не на второй этаж, в кабинет шефа, а к выходу.

– Как удачно, что вы сегодня в юбке, Лиза.

Успокоилась. Доверилась тому, что подразумевалось – вас это не касается, вы ведь совсем другое дело, – а еще больше доверилась иронии пожилой ухоженной дамы. Откуда-то в ней проросла уверенность: там, где пожилые ухоженные дамы ироничны, не все так плохо.

– Что насчет юбки вы сказали?

– Леонид Макарович объяснит по дороге. Вы нас сегодня здорово выручили.

У входа ждала черная служебная «Волга». Леонид Макарович выглядывал в открытую заднюю дверь.

– Прекрасно!

И похлопал по сиденью.

Она села рядом. Длинные полы драпового пальто аккуратно подобраны на колени. Пластмассовый иконостас на парпризе. Водитель жарко пахнет табакком.

– А куда мы едем?

«Волга» тронулась, натужно разогналась, нагло вклинилась в поток.

– Сегодня же учителей чествуют. День учителя. Нужно цветы на сцене подавать. Представляешь, нигде не смогли девочку нормальную найти. Одну свою взяли, вторую по всему городу обыскались.

Все как на подбор неформат. Или в брюках, или толстая, или с розовыми волосами. Хорошо, нам сообразили позвонить. А нужно было всего лишь, чтобы в юбке хотя бы по колено и без всех этих ваших пирсингов, шмирсингов, наколок. В наши дни наколки носили только воры в законе, моряки и портовые шлюхи. Прости, Лизонька. А теперь она десятый класс заканчивает, и вся расписная. Лиза подумала о своих бабочках, которых Леонид Макарович никогда не увидит, если, конечно, не решит полистать ее «Инстаграм», – и виновато съежилась.

– Там не трудно. Ты не волнуйся.

На светофоре в соседнем ряду остановился автобус. На боку реклама музыкальной школы «Виртуозы». Седовласый сорванец молотит по ударной установке.

– Кстати, посмотрел я твой эксклюзив. Ну что сказать. С концептом нашим ты все-таки слабо разобралась. О всякой такой велосипедной ерунде мы не пишем. Ну, представь, приходит наш человек после работы домой. Уставший. Забирает из почтового ящика газету. Семья садится за вечерний чай. Он зачитывает новости, ищет интересное. У него и так полно негатива. А тут все эти проблемы – построили, не построили, кому-то чего-то опять недодали. Нет, нет. Человек хочет отдохнуть в кругу семьи, расслабиться. Посмеяться, почему бы нет. Вот смотри, Маша в этот номер отписала.

Загорелся зеленый, «Волга» кашлянула и покадилась дальше. Леонид Макарович зачитал из сложной в четверть газеты:

– Покой артистки охраняет кладбищенский слон.

Шлепнул тыльной стороной ладони по бумаге.

– О! Как тебе заголовок? Кладбище, слон, артистка. Цепляет!

Продолжил.

– На Северном кладбище есть необычное надгробье – слон, стоящий на задних ногах. Корреспондент «Любореченского времени» провела расследование, чтобы узнать, чей покой он охраняет... На, держи, дома считаешь. Там целая история.

Лиза приняла газету, спрятала в сумку.

– Вот так темы находятся. А ведь Маша просто к деду на могилку сходила, а по пути интересный памятник. Сразу – кто, что, разузнала, вышла на родню. Или вот, два номера тому назад хохма была. В доме для престарелых эпидемия хламидиоза. Реально повальная эпидемия! Народ там веселится от души. Или Люда на свадьбе была.

В августе, кажется. Запилила прекрасный обзор. Чем отличаются свадьбы зимние от летних. Какие дорожки обходятся, где больше водки уходит. Это ж не только интересно, это какая людям польза!

В библиотеке она работала в отделе реставрации фонда. Кабинет на последнем этаже. На первом – зимний сад, над садом, отражая его, – стеклянный квадрат: колодец, опрокинутый в небо. В колодце летучие мыши. Бархатистые угловатые плоды. В лучах вечернего солнца тлели прохладной медью. Попали однажды внутрь в открытые для вентиляции люки и решили остаться. Тем же путем вылетали по вечерам наружу, охотиться за мошкаррой. Иногда путали небесный свет с электрическим и отправлялись в полет по библиотеке, пугая библиотечарш и читателей. На отлов, недовольно шлепая стоптанными засаленными тапками, отправлялись сонные охранники, и если они не справлялись, в бой вступали вооруженные швабрами уборщицы.

Однажды под Новый год Мистер Мышь упал ей прямо в руку. Вела экскурсию – вон там у нас читальные залы, правее сектор гуманитарных наук – и что-то мягко клюнуло в ладонь. На ступеньке лежало крылатое шоколадное тельце. Не прекращая говорить, отвлекая паникеров рассказом о новом клубе японского языка, подняла и сунула в карман. Запрос «как спасти летучую мышь в спячке» подкинул инструкцию: поместить в холодильник до весны, весной разбудить, накормить и выпустить. Мистер Мышь прожил с ней до апреля.

– Приехали. Идем.

Несколько ступенек вверх. Бетонная колоннада. Наковальня груди, как вкопанная в створке служебного входа. Театральный часовой, вечная баба Нюра. Посторонним нельзя, вы куда, молодые люди? Леонид Макарович подхватил Лизу под руку: это со мной, не узнали?

– Сюда, Лизок.

Узкая лестница. Навстречу сбежала напуганная чем-то женщина в высокой прическе. Лизе почудился запах колбасы. Она отшатнулась, врезавшись плечом в стену. Прошли коридором, спустились по такой же лестнице в пыльный гудящий голосами полумрак.

– Рита! Вот и мы!

Из глубин закулисья к ним двинулся коренастый силуэт на гулких каблуках.

– Рита за главную. Нормальная баба, не робей. Младенцев не кушает.

И легонько подтолкнул.

Каблуки стихли на полпути. На угол стола, завалянного букетами, встала коробка.

– Помощница! Дел по горло.
Лиза подошла к столу.
– Берешь, – начала Рита. – Как зовут тебя?
– Лиза.
– Очень приятно. Маргарита Тимофеевна. Берешь медали, раскладываешь вон на том столе вот по этому списку. Держи. Это список. Через двадцать минут начало.

Мистер Мышь проснулся не сразу. Она щекотала ногтем распыленные ноздри, дула, подносила к окну, чесала смешное пузо. Мистер Мышь и ухом не повел. Оставила на солнечном балконе, завалилась на диван с книжкой. И часа через три, сквозь чье-то расставанье и восторженное стрекотание кузнечиков – вдруг услышала его. Слабый – и торжествующий звук.
– Я проснулся! Я не сплю!

Она кинулась на балкон. Растопырив спичечные локти, Мистер Мышь оторвался от картонного дна – дрожащий, живой. Неверными рваными движениями тянулся к балконному стеклу – туда, где свет и ветви акации. Лиза распахнула створку настежь, высадила его осторожно на жестяной отлив. Погладила напоследок шерстяную спинку. Он приподнялся, осматриваясь. Складки ненатянутых перепонки угольно блестя. Почесал затылок – и решительно нырнул вниз.

– В правую руку берешь цветы. В левую я подам тебе медаль. В коробочке, уже открытая будет. Смотри, не урони. Это самое важное. Держишь коробочку на ладони. Вот так. На уровне талии. Поняла? Когда объявляют фамилию награждаемого, идешь на сцену. Подаешь сначала медаль. Стоишь с цветами, ждешь, пока проходит награждение. Никуда не уходишь, не вертись. Когда медаль вручена, подаешь цветы. И сразу отходишь. Сразу отходишь. На фотографии ты не должна попадать. Все ясно? Отдала цветы и сразу шаг назад. И ни в коем случае спиной к залу не поворачиваешься. Бочком, вот так, так, спинку держим, внимания не привлекаем. Красиво. Улыбаемся. Сможешь улыбнуться? Какая-то ты, ей-богу, кислая, прости за откровенность.

Она улыбалась. В правой руке цветы. В левой медаль.

Софиты слепили. Зал аплодировал, шевелился, смотрел.

– Почетным званием «Заслуженный учитель Любоборченска» награждается Галина Евгеньевна Береста, учитель географии МОУ СОШ номер сорок четыре.

Аплодисменты. Красное гипюровое платье счастливой Галины Бересты.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Куда? А фото?

Шаг назад. Бочком, ровная спина, подальше от фотовспышек.

Вторая такая же – в правой руке цветы, в левой руке медаль – приготовилась к выходу.

– Почетным званием «Заслуженный учитель Любоборченска» награждается Юлия Дмитриевна Беспалова, учитель математики МОУ СОШ номер одиннадцать.

Если бы ей вручали медаль – что-нибудь такое, на виду у всех, – она бы ни за что не надела гипюр. Совершенная безвкусица. Как тетушка на деревенской свадьбе. Гипюр! Красный! Бедные дети.

Не забыть отыграть на «Тиндере»: учительница русского языка, заслуженная учительница, постарайся без ошибок, хотя бы «-тся», «-ться» для начала.

В заднем кармане юбки заужжал телефон. Выдернула. Как некстати. Дядя Леша.

– Как ты там, лапушка?

– Все хорошо.

– Как первый день?

– Перезвоню. Не могу сейчас. – Она вернула телефон в карман и, принимая букет, наконец-то заплакалась.

Октябрь 2020 года

